

Отзыв

официального оппонента доктора филологических наук

Игоря Сергеевича Урюпина о диссертации

Чечнёва Якова Дмитриевича

«Урбанизм петербургской прозы К. К. Вагинова: “Гарпагопиана” как роман о городе эпохи социалистической реконструкции» (Москва: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН), представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности

10.01.01 – Русская литература

Творческое наследие К. К. Вагинова, одного из самых оригинальных русских художников слова первой трети XX столетия, пытавшихся в эпоху революционных преобразований в России (или, как очень точно называет ее диссертант, опираясь на работы Д. С. Московской, «эпоху социалистической реконструкции») примирить и преосуществить в великом «алхимической» синтезе культуру Золотого и Серебряного веков, в современном литературоведении вызывает значительный интерес. И хотя серьезное академическое изучение поэзии и прозы К. К. Вагинова только началось, уже наметились магистральные векторы исследовательских стратегий, которые представляются на сегодняшний день наиболее продуктивными. Я. Д. Чечнёву удалось определить область своих вагиноведческих изысканий, сконцентрированных вокруг урбанистической поэтики прозы писателя (в частности романа «Гарпагопиана»), рассматриваемой в широком историко-литературном и культурологическом контекстах.

Изучение историко-культурного ландшафта русской литературы чрезвычайно актуально для отечественной гуманитаристики, добившейся значительных эвристических результатов в междисциплинарном синтезе, обогатившем филологические науки (в том числе литературоведение) не только фактическим материалом, но и новыми подходами к анализу худо-

жественных текстов. Используемый Я. Д. Чечнёвым локально-исторический метод, научно обоснованный в докторской диссертации Д. С. Московской на основе литературоведческих работ Н. П. Анциферова и системно-целостного исследования литературного процесса 1920–1930-х годов, позволил всесторонне и многоаспектно представить художественную топографию петербургской прозы К. К. Вагинова в ее синтагматике (ленинградский дискурс последнего романа писателя) и парадигматике (образ имперского Петрополя в аспекте культурных традиций). Несомненная ценность, оригинальность и во многом новаторский характер работы Я. Д. Чечнёва очевидны, однако сам автор по каким-то причинам не заострил внимания на принципиально важных позициях, которые должны отразить сущность проведенного исследования: сформулированные в автореферате и самой диссертации научная новизна и теоретическая значимость почти полностью совпадают. А между тем теоретический аспект работы заключается отнюдь не «в опыте применения локально-исторического метода Н. П. Анциферова для исследования традиционности и новаторства урбанизма ленинградского романа Константина Вагинова “Гарпагониана”» (с. 24) (все это, безусловно, составляет научную новизну), а в выявлении культурно-семантического потенциала петербургской / ленинградской топики в репрезентации образа Петербурга – Петрограда – Ленинграда; в раскрытии сущности петербургско-ленинградских микросюжетов, конституирующих Петербургский текст К. К. Вагинова, специфику и логику его развертывания.

Конечно, диссертант не ставил своей целью дать исчерпывающую характеристику петербургского хронотопа прозы К. К. Вагинова, но сделал ряд интереснейших наблюдений, которые непременно будут учитываться исследователями при изучении урбанистической образности в русской литературе XX века. Культурологический инструментарий, который использовал соискатель, и многочисленные экстралитературоведческие экскурсы

в область городоведения позволили представить многомерную панораму Петербурга-Петрограда-Ленинграда как эстетическую доминанту метатекста К. К. Вагинова.

Автор диссертации проследил динамику творческого воплощения образа города как смыслового интеграла в художественном мире К. К. Вагинова, отметил принципиально важные особенности репрезентации комплекса петербургско-ленинградских мифологем, их генезис, функции в произведениях разных литературных родов и жанров. Так, Я. Д. Чечнёв совершенно справедливо усматривает истоки урбанистических лейтмотивов прозы К. К. Вагинова в лирике художника 1920-х (прежде всего в цикле его стихотворений «Петербургские ночи»), явившейся одним из последних аккордов искусства Серебряного века. Стереометрический образ Петербурга, созданный поэтом, одновременно обращен в прошлое и открыт будущему, аккумулирует традиции и авангардно порывает с ними, органично соединяет Запад и Восток, античность и варварство, при этом остается русским городом, средоточием национальной культуры, ее самобытности и универсальности одновременно. «Через Петербург “западное”, видоизменяясь, входило в Русь, а “русское”, – замечает диссертант, – благодаря усвоению европейских инноваций приобщалось к западной культуре» [с. 39]. Этим во многом определяется особое мироощущение лирического героя стихотворений К. К. Вагинова и героев его прозы как хранителей и медиаторов высокой культуры. «Петербургское племя» «эллинистов», осознающих свою миссию и остро переживающих Овидиев комплекс изгнанничества в эпоху революционных катастроф, становится объектом художественной рефлексии К. К. Вагинова, получившей серьезное осмысление в рецензируемой работе.

Я. Д. Чечнёв, как нам представляется, нащупал главный нерв вагиновской концепции бытия, петербургоцентричной по сути, представил урбанистическую образность в творчестве писателя как воплощение физики

и метафизики вечного города. Отсюда глубинная онтологическая связь Петербурга и Рима. И хотя над Петербургом-Петроградом-Ленинградом тяготеет проклятие («Петербургу быть пусту»), во всех романах К. К. Вагинова сохраняется надежда на возвращение к предустановленной гармонии, которую в разные исторические эпохи ищут герои «Козлиной песни», «Труды и дней Свистонова», «Бамбочады» и даже «Гарпагоонианы», где, казалось бы, совершился / завершился апокалиптический период русской истории. Вместе с тем уже в первом романе писателя, в котором отчетливо звучит мотив конца Петербурга и с предельной яркостью воплощена идея рока, главного нерва античной трагедии, представлена особая, цикличная по своей сути диалектика времени и вечности, также восходящая к античности, а потому возникает стойкое ощущение, что «Ленинград вернется обратно к Петербургу, но уже совсем в другую эпоху» [с. 45].

Образ «самого умышленного города в мире», как называл Петербург Ф. М. Достоевский, в творческом сознании К. К. Вагинова амбивалентен: рационален (не случайно в «Козлиной песни» так много аллюзий на русский классицизм XVIII века) и иррационален (в «Трудах и днях Свистонова» герой воображает город, пригрезившийся ему во сне, а в романе «Бамбочада» город вообще предстает фантастическим). При этом и рационализм, и иррационализм писателем травестируются, строгий петербургский текст трансформируется в причудливый авантюрный дискурс, гротеск для художника становится наиболее адекватным способом передачи «физиологии» города, переживающего начиная с эпохи нэпа и первой пятилетки период распада духа и тела (материи), распада самого пространства, гармоничная стройность которого, заложенная демиургом Петром I и дезавурированная его двойником-антиподом Лениным, сменяется хаосом, предопределяющим путь нисхождения героев К. К. Вагинова «во ад».

К. Д. Чечнёв рассматривает все вагиновское творчество как репрезентацию петербургско-ленинградского мифа в его историческом вопло-

щении, абсолютизируя подчас саму тему Петербурга как единственного объекта и субъекта авторского мироосмысления, делая, конечно, интересные, но порой спорные выводы: «Герои вагиновского романа [«Бамбочада». – И.У.] – это человеческие ипостаси <...> местностей», персонификация «определенного ленинградского локуса» [с. 69]. Безусловно, Петербург-Ленинград для К. К. Вагинова не просто город / государство, самодостаточный эталон культуры / цивилизации, это модель мира в единстве ее органической (природной) и технической (собственно урбанистической) сущности. Такая двусоставность образа города наиболее ярко проявилась в последнем романе писателя, который, пожалуй, впервые в литературоведении получил в диссертации Я. Д. Чечнёва историко-культурную оценку как «итог художественного исследования судьбы Петербурга-Петрограда-Ленинграда» [с. 165] в творчестве К. К. Вагинова – выразителя умонастроений русской интеллигенции первой трети XX века, пережившей революционные катаклизмы, ставшей свидетелем крушения империи Российской и зарождения империи Советской.

Историческая метаморфоза, произошедшая с северной столицей, осмысливается диссертантом в пространственно-временном континууме, сопрягающем эпохи и вместе с тем противопоставляющем топоры Петербурга и Ленинграда как ипостаси одного Города. В «Гарпагониане» наиболее очевидно проявилась идея Н. П. Анциферова о «власти места» «над духом человека» (с. 92). Поэтому вполне обоснованно соискатель анализирует вагиновский роман почти исключительно через ландшафтные образы, выстраивая определенную урбанистическую парадигму, представляющую собой систему оппозиций: центр / периферия; «Зеленый дом» / «Вяземская лавра», которые не просто выступают местом действия, а определяют развитие сюжета и концентрируют комплекс идей, выражающих авторскую модальность.

Непрерывающийся диалог художника с предшественниками, апелляция к классикам актуализируют вечные вопросы русской литературы, обнажают нерешенные (а возможно, и нерешимые) проблемы, в числе которых судьба «маленького человека» и его ничтожность перед абсолютной властью государства, экзистенциальная драма «бывших людей» и, конечно же, жизненные тупики «униженных и оскорбленных», которым Я. Д. Чечнёв уделяет особое внимание.

Автор диссертации, представляя «основные типажи героев последнего романа Вагинова, которые являются художественными ипостасями духовной сущности города периода социалистической реконструкции» (авт. с. 18), предпринимает попытку классификации персонажей «Гарпагоняны», выделяя «двойников», «бандита», «пьяницу», «коллекционеров и систематизаторов», «сновидца», «молодящегося». Однако эта типология, очень интересная по сути, в том виде, в каком она представлена в работе, носит в большей степени культурологический, чем литературоведческий характер. Соискатель не оговаривает основания, по которым осуществляется выделение «типажей» (в современном когнитивном литературоведении этой проблеме уделяется первоочередное внимание), поэтому почти ко всем выделенным типажам Я. Д. Чечнёв примеряет образ Локонова. Может быть, потому, что он отличается, «по гипотезе Анфертьева, внутренней пустотой» (с. 163)? Конечно, это дискуссионный вопрос. Дискуссионна во многом и сама работа, не свободная от некоторых исследовательских штампов, повторов, но все это отнюдь не умаляет ее очевидного достоинства.

Все поставленные автором задачи убедительно решены, цель достигнута. Автореферат и публикации Я. Д. Чечнёва полностью отражают основное содержание работы.

Являя собой завершённый научно-исследовательский труд, отличающийся актуальностью, научной новизной, достоверностью полученных

результатов, диссертация «Урбанизм петербургской прозы К. К. Вагинова: “Гарпагопиана” как роман о городе эпохи социалистической реконструкции» соответствует требованиям ВАК к исследованиям подобного типа, установленным пунктами 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (ред. от 30.07.2014), а ее автор, Яков Дмитриевич Чечнёв, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 — русская литература.

Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы XX-XXI веков Института филологии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский педагогический государственный университет»

Игорь Сергеевич Урюпин

Адрес университета:

119991, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, дом 1, строение 1

fil@mpgu.su

+7 (499) 246-57-12

Is.uryupin@mpgu.su

+7 (985) 065-92-97

Официальный профиль рецензента в РИНЦ:

http://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=457996&pubrole=100&show_refs=1

_refs=1

